

Дмитрий ВОРОНИН

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ОДИН

Ах, этот волшебный Тбилиси, этот великолепный Тбилисо! Ах, эти потрясающие сациви и сулгуни, чахохбили и хачапури, хинкали и чанахи! Ах, эта «Хванчкара», эти «Цинандали», это «Киндзмараули» и это «Мукузани»! Ах, этот Вахтанг со своей песенкой «Чито Гврито»:

Чито — гврито, чито маргарито, га...

Дмитрий Петрович с женой Наденькой просто обалдели от красот чудесного города. Гуляли по запутанным улочкам Авлабари, заглядывали в сказочные дворики Старого Тбилиси, наполненные ароматами местной кухни и громкими голосами старожилов, удивлялись необычным строениям Мтацминды и смеялись радостно друг другу всякий раз, когда встречали на пути что-то неожиданное. А неожиданностей попадалось предостаточно. Старуха-торговка, завернутая с ног до головы в чёрные шали и предлагающая купить любую из них: «Э, дарагой, падары сваей жэнцине платок. Смотри, заморзла савсэм! Из лучшей авцы сдэлан, самую лахматую стрыглы. На сэвэре грэть, как пэчка, станэт. Ты с сэвэра?» Подвыпивший велосипедист, горляющий на весь квартал «Тбилисо» и не дающий обогнать себя целой веренице машин. Постовой, увещающий лохматого пса, пытающегося ухватить его за штанину: «Слушай, дарагой, атстан, а? Савсэм задрал, а? Гдэ твой совэст?» Комбинации, бюстгалтеры девятого размера и цветные семейные трусы, гордо реющие на верёвке, перетянутой через дорогу между домами.

— Просто замечательно! — цокал языком Дмитрий Петрович и поднимал вверх фотоаппарат.

— Просто сказочно! — жмурилась от удовольствия Наденька, выщёлкивая на камеру телефона гордых грузинских кошек.

— Просто невероятно!

— Просто чудо чудесное! Вот только куколки для моей коллекции не хватает, и тогда уж, точно, полная нирвана, — кивнула в сторону очередной сувенирной лавки Наденька.

— Стоп! — пресёк её попытку супруг. — Мы же договорились, покупаем только редкие вещи и только на блошином рынке.

— Ну так пошли уже на этот чёртов рынок, — капризно надула губы Наденька, — сколько можно меня мариновать, измучилась совсем. Третий день в Грузии, а я всё ещё без куклы! Время пролетит, не заметишь.

— Надюша, потерпи до завтра. Ты же знаешь, пойдём — пропадём. Сегодня город досмотрим, хинкали съедим, саперави выпьем, в театр сходим, а завтра с утра пораньше и окупёмся в волшебный мир блох. Ты — кукол искать, я — картины высматривать. У нас четыре дня ещё впереди, хватит.

Дмитрий Петрович собирал картины, а Наденька куколок. По возможности старались пополнять свои коллекции уникальными экземплярами, но всё больше случались бесполезные покупки, которые потом расходились по друзьям и знакомым. Денег на такие приобретения хватало раз-два в год, и радость от удач держалась долго-долго.

Наутро блошиный рынок Тбилиси встретил новых покупателей тепло и весело, как давних знакомых, моментально погрузил их в круговорот своей жизни. Аромат кофе и пряных булочек наполнял всё пространство барахолки от Сухого до Саарбрюкенского моста, перекинутого через Куру. Почти вся торговля шла прямо с земли. Всюду лежали покрывала и простыни, картон и байковые одеяла, газеты и даже ковры, на которых,

порой в полнейшем беспорядке, валялась разная всячина от поношенной обуви до виниловых пластинок. Тут можно было найти и истрепанные временем книги, и советскую бижутерию, и детские игрушки, и русские самовары, и напольные часы с патефонами, и саквояжи с фотоаппаратами. И только на облупленных столиках, раскладушках и самодельных прилавках товар выглядел упорядоченно: кинжалы и ножи отдельно, значки и медали отдельно, марки и открытки отдельно. Глаза покупателей вытанцовывали половецкие пляски, пытаясь отыскать в этом хаосе необходимую вещь.

Вытанцовывали глаза и у Дмитрия Петровича. Выплясывали до тех пор, пока не наткнулись на прислонённую к чемодану картину какого-то местного художника. Работа была любительская, очень небрежная и, скорее всего, недописанная, но, тем не менее, она привлекла к себе внимание. По всей видимости, художник изобразил на холсте сельский пейзаж. Хотя Дмитрий Петрович мог и ошибиться. На переднем плане особо выделялись тёмно-зелёные пятна то ли многочисленных кустов, то ли деревьев, но полной уверенности в этом не было. Прорисовка была нечёткой, совершенно размытой. Деревья могли оказаться и чем-то другим. В середине картины просматривалось подобие водоёма, но и тут могло не сложиться. При определенном положении водоём превращался в пашню или огород. На заднем плане угадывались сельские домики, за которыми синели горы, а может быть, и само небо.

— Что скажэш? Правда, красыва? Тэбэ нравитса? — неожиданно прозвучало рядом.

Дмитрий Петрович обернулся на голос. Возле него стоял типичный невысокий усатый грузин с классической кепкой-аэродромом на голове и с любовью смотрел на произведение искусства.

— Замэчатэлный жывапыс! Пазапрошлый вэк, канец дэвятнадцатого, старина ещё при царэ. Втарой Пырасмани! Выжу по тваим глазам, что панравилса. Пакупай. Тэбэ, как знатаку, бонус.

— А что за художник этот ваш второй Пирасмани? — весело сощурился Дмитрий Петрович.

— Вай, ты нэ знаэш? — удивленно приподнял густые брови грузин. — Эта жэ Вано Вэпхвадзэ! Точна нэ знаэш?

— Нет.

— Вах, ви слыхалы, он нэ знаэт Вано Вэпхвадзэ! — повернулся продавец к соседям, и те укоризненно закивали. — Можэт, ты и Ван Гога нэ знаэш, и Кустадыева с русскими красавыцами?

— Ван Гога знаю и Кустодиева тоже.

— Вот выдиш, Ван Гога знаэш, Кустадыева тожэ, а Вано Вэпхвадзэ нэт. Это нэ справэдлыва, слюшай! Давай, купи картыну, дома на стэну павэсиш, будэш знат, кто такой Вано, будэш гастям паказыват, мнэ спасыбо гаварит.

— Сколько стоит?

— Какой маладэц, всё панымает. Тэбэ, как цэнытэлю, за пятсот лари отдам, савсэм бэсплатна! — махнул вверх ладонью грузин.

— Пятсот? — изумлённо уставился на него Дмитрий Петрович.

— Што? Многа? — развёл руками продавец. — Я тэбэ даром её отдаю, а ты глаза на мэня вилуплаэш! Врэмя маё тратыш. Иды атсюда, можэт, гдэ дэшэвлэ вэликого Вэпхвадзэ купиш, — возмущился хозяин картины и обиженно отвернулся от покупателя.

Дмитрий Петрович удивлённо пожал плечами и продолжил обследовать рынок. Часа два супружеская пара внимательно изучала развал, с наслаждением втягивая в себя запахи ушедшего времени. От каждой вещи исходил свой неповторимый аромат — дух истории.

Наденьке удалось пополнить свою коллекцию прелестной французской фарфоровой куколкой первой половины двадцатого века, а Дмитрий Петрович удачно торговал у старой торговки, плохо говорившей по-русски, любопытный натюрморт с изображением абрикосов, рассыпанных по столу вокруг бокала с красным вином. Написан он был лет пятьдесят назад на фанерной крышке от посылочного ящика. Довольные собой и покупками супруги возвращались в гостиницу.

— Э, слюшай, зачэм мима идэш, на картину савсэм нэ смотриш? — раздался позади знакомый голос. — Нэ хочэш Вэпхвадзэ забираат, так и скажи. А то я тэбя тут цэлий дэн жду, дамой нэ иду. Никаму этот шэдевр нэ прадаю, голодный савсэм. Двадцат чэлавэк хатэли картину купит, всэм атказал, тэбэ бэрэг, а ты мима праходиш. Будэш пакупат?

— За пятьсот лари?

— Канэчна! Патрогай, — протянул грузин картину Дмитрию Петровичу, — натуральный масло, гдэ ещё такой найдэш? Это тэбэ нэ в магазынэ для сывэниров. Там всё

нэ настоящее — эрзац.

— Нет, дорого.

— Пачэму дорого? Пэтсот лари — дорого? Савсэм жадный, да? Совэсти нэт! Мнэ за нэе семсот лари давали, нэ прадал, тэбэ бэрэг. А ты — дорого! Аграбыт мэня хочэш, па мыру пустыт! Знал бы, што такой крукул, вчэра бы другому прадал за тысячу лари.

— Так за семсот хотели купить или за тысячу? — улыбнулся Дмитрий Петрович.

— Вчэра за тысячу, сэгодна за сэмсот. Твой какая разныца? — возмутился продавец. — Иды давай дамой и нэ мароч мнэ уже голува. Но павэр, завтра сам прыбэжыш, спат вся ноч нэ уснэш. Мэтаться по падушкам будэш, про Вэпхвэдзэ думат.

Утром, сидя за чашкой кофе, Дмитрий Петрович с Наденькой наметали дневной план и рассмеялись послеобеденному посещению Сухого моста.

— За картиной второго Пиросмани?

— Обязательно!

Прогуляв всю первую половину дня в ботаническом саду, до краёв наполненным магией, и откушав в одном из подвальчиков старого Тбилиси эрбохачо, харчо, чашу-шули и кучмачи, супруги, взявшись за руки, неторопливо направились к рынку.

— Вай, сматры, Нино, идот! — донёсся издалека до счастливой парочки зычный голос грузина. — Я тэбэ гаварыл, куда дэнэтса! Картина у нас валшэбная, нэ днём, нэ ночью нэ атпускаэт.

Дмитрий Петрович широко заулыбался продавцу, как старому доброму знакомому.

— Вот, гуляем по городу. Заодно решили и по рядам пройтись, вдруг вчера чего не заметили, мимо проскочили.

— А што здэс сматрэт? Сматры — нэ сматры, болшэ такой красату нэгдэ нэ увыдэш. Так толка Алэксэй Вэпхвэдзэ мог нарысават!

— Как Алексей? — удивился Дмитрий Петрович. — Вчера же Иван был.

— Развэ? Ты точно помныш? — подозрительно покосился на него грузин.

— Точно. Вы сами его Ваню называли.

— Нэ можэт быт! Што я Ваню от Алоши нэ атлычу? А тэбэ какой разныца, што Иван, што Алоша? Аны в адной сэмье жили. Это атэц и сын, нэ панымаэш, да?

— Не скажите. Возможно, этот ваш Вепхвэдзе Ваню и второй Пиросмани, но тогда какой Алексей? Третий, что ли? А если третий, то и цена должна быть, как за третьего.

— Умный, да? — сняв кепку, задумчиво потёр затылок продавец. — Ладна, угаварыл, бэри Алошу за трыста лари.

— Надо подумать.

— Иды думай. Толка долга нэ хады, купыт могут.

И этот день оказался удачным. За двадцать лари Дмитрию Петровичу достался простенький городской пейзаж, по всей видимости, долго пылившийся где-то на чердаке или антресолях. Краска в некоторых местах осыпалась, и на изображении виднелись какие-то потёки, но в целом картинка выглядела вполне сносно. Наденька же нашла однорукую куклу-марионетку фотографа грузина и была этому необыкновенно рада. Возвращаясь обратно, она повела бровями в сторону знакомого продавца.

— Нас, верно, высматривает.

И действительно, владелец трёх Пиросмани тревожно рыскал глазами по пёстрой толпе, снующей вдоль торговых рядов. Заметив Дмитрия Петровича, пожилой грузин радостно замахал ему своей огромной кепкой.

— Давай-давай, иды скарэй суда! Ужэ устали тэбя ждат с Нино. Всэ глаза прасматрэли. Нэт и нэт савсэм. Думали, ушол — нэ прыдэш. Забыл, про тэбя тут Джаванни Вэпхвэдзэ очэн скучаэт.

— Какой ещё Джованни? — от неожиданности подался назад Дмитрий Петрович.

— Как какой? — нахмурился грузин и показал на давешнюю картину. — Вот этот. Чачу пыл или вина многа.

— Не пил я ничего.

— Нэ пыл, а Джаванни нэ узнал. Можэт, тэмпература?

— Может, у вас температура?

— У мэна зачэм?

— Да просто бред какой-то. — потёр висок Дмитрий Петрович. — Этот ваш Джованни с утра был Алёшей, а вчера так и вовсе Иваном.

— Правда? — в свою очередь удивился грузин. — Вчера Иваном бил? Точна?

— Ну да, Иваном.

— И што тут нэ ясна? Иван, Джаванни — одна имя.

— Ага, то русское, то итальянское, то грузинское.

— Слушай, што прэстал, как в банэ лыст? Нэ знаэш нэчэго, так малчы, да? Джаванни — эта внук Ваню, сын Алошы, он в Италии радылса, в самом Миланэ, там, гдэ Ла-Скала. Там Паваротти пэл. Ты опэру лубыш?

— Люблю.

— А гаварыш, што нэ знаэш, пачэму Джаванни. Вот мама и папа, каторый Алоша, его так называлы. В чэст дэда. Толка на итальянском. У тэбя внуки эст?

— Нет.

— Вот кагда будут, ты их тожэ в чэст дэда назавы. Так всэ дэлают. Памят.

— Ну ладно. А картина тогда чья?

— Всэх! — обозлился грузин. — Ты савсэм нэ панымаэш? Или издэваэшса.

— Почему издеваюсь? Не понимаю, — искренно посмотрел на продавца Дмитрий Петрович.

— Вся сэмья Вэпхвэдзэ — художныки. Аны всэ вмэстэ картыны рисуют. Всу жызн, из пакалэныя в пакалэныя.

— Сколько лет?

— Многа. Можэт, сто, можэт, болшэ. Дэд начынаэт, сын патом далшэ прадалжаэт, внуки заканчывают. Вздэ так.

— И поэтому дорого?

— Канэчна! А как ты хатэл? Здэс какой труд? Сто лэт картуны пышут, нэ раз-два ляп. Одын зэмлю рысуэт, другой — лэс и полэ, трэтый — нэбо и воду. Патом адын шэдэвр палучаэтса. Сам выдыш.

— Ну уж, конечно, шедевр, — скептически ухмыльнулся Дмитрий Петрович.

— А ты выдыш, какой здэс мазок, выдыш, какой тэн? — обиделся грузин.

— Нет, не вижу, — сделал шаг в сторону от картины Дмитрий Петрович.

— Правэлно, нэ выдыш! У абыкнавэннаго художныка всо проста, а у классыка нэчэго нэ панятна, патаму и дорага. Павзсыш такую картуны на гвозд, и ходыш вакрыт нэё всу жызн, и думаеш, што там на нэй нарысована. И мэчтаеш всэгда. Сэгодна адна мэчта у тэбя, патаму што солнце так пасвэтило на краски, завтра у тэбя втарая мэчта, патаму што солнца луч на картуны лёг с другой стараны, а послэзавтра трэтый мэчта, патаму што солнца луч вапшэ нэкуда нэ лёг, тэмно на улыцэ, вэтэр адын и дожд идот. Сагласэн?

— Ну, наверное, и так бывает. Только мне авангард не нужен, я пейзажи люблю.

— Э, какой авангард, слюшай. Мнэ самаму авангард нэ нужэн. Маяковский толька замэчатэлный, но он — грузын, у нас радылса. Тут ныкакой нэ авангард, тут пэйзаж и ест, как у Лэвэтана. Помныш его картуны «Кладбищэ на Волгэ»? Я в Масквэ в Трэтаковкэ бил, кагда в сэсэре жили, Лэвэтана увидэл — лубов на всу жызн. Вэпхвэдзэ тожэ Лэвэтан, толка в Грузии.

— Да ну?

— Нэ вэрыш? А вот пасматры, — стал тыкать пальцем в тёмно-зелёные пятна на холсте грузин, — вот горы, выдыш, Казбэк.

— А почему они зелёные? Горы, если вдали, чаще синие.

— Какой сыные? Сыный нэбо, а тут лэс в гарах. Ты што, лэса нэ видэл?

— Видел. Ну, допустим тут лес, а где тогда Казбек? Там же снег круглый год на вершине.

— Э, какой снэг? Расстаэл снэг, экалогия такой сэгодна, тэпло вэдэ, парник на зэмлэ. Заводы там, фабрыки, машины ездат, воздуха нэ стала савсэм, адын газ. Вот и на Казбэк дашол, всо атравыл. Купишь картуны?

— Не знаю. Надо подумать ещё. Тут даже авторской подписи нет. Как определишь — Вэпхвэдзе это или нет?

— Ты какой-га тугой дум, вродэ так па-русски. Очен долга думаэш, два дня ужэ. Так и памэрэт можна. И што здэс апрэдэлат, и так выдна, настаящий Вэпхвэдзэ. Нэ вэрыш? Тэбя как завут?

— Дмитрий.

— О, Димэтр, хорошее имя, умное. А мэна — Арчыл, или Арчи завы. А ты знаэш, аткуда твой имя?

— Вроде греческое.

— Маладэц, знаэш. Димэтр — это бог в Греции, он палями и уражаями рукавадыл. Ты сам аткуда прыехал?

— Из Калининграда.

— О, Лэнинград, красывый город, чутхужэ Тбилисо. Ятам билдавно, эшо в савэтскае врэмья. В Эрмитаж хадыл, на Аврору хадыл, в Лэтнэм саду хадыл, в Пэтропавлавку хадыл, по Нэвскаму хадыл. Панравылса мнэ Лэнинград. Но скучна. Грузын мала, пэсэн мала, Куры нэт, Авлабара нэт, вино — дран. Прасты. Картину завэрнут?

— Я ещё не решил, — задумчиво посмотрел на «шедевр» Дмитрий Петрович.

— Пачэму нэ рэшил, а? Иза подпэси, да? Ка мнэ ужэ сорок чэлавэк падахдилы, прадат прасылы, пэтсот лари давалы, на подпыс нэ сматрэлы. Нэ прадал, тэбэ бэрог, как другу. А ты — нэ рэшил. За двэсти лари нэ рэшил. Бэсплатно савсэм! Бэри, пака дошева, — настаивал Арчил.

— Я думаю.

— Вах, ты слышала, Нино, он ещё думает. Индук тожэ думал, пака в харчо нэ папал. Можэт, чачи выпьем, чтобы думал быстрэе? Или в нарды сыграэм?

— Нет, сегодня не могу. Сейчас в консерваторию идём оперу Доницетти слушать.

— Наверно, «Любовный напыток»?

— Точно, — удивился эрудиции грузина Дмитрий Петрович.

— Какой маладэц! Завтра расскажэш, как пэли. Я патом тэбэ «Сулико» спаю.

Сравныш, — и, повернувшись к жене, Арчил добавил: — Пасматры, Нино, Димэтр на оперу идот, наш чэлавэк, настоящий грузын.

После спектакля супруги в отличном настроении неспешно возвращались в гостиницу. По дороге они бесконечно делились между собой впечатлениями об опере, консерваторской акустике, актёрах и певцах, об оркестре и зрителях. И только в номере вспомнили о продавце-грузине.

— Когда к Арчилу завтра пойдём торговать Вэпхвэдзе? — подмигнула супругу Наденька.

— Как обычно, после обеда.

— А давай с утра. С утра мы туда ещё не ходили.

— Ну, давай, — согласился Дмитрий Петрович, — позавтракаем и пойдём.

— Нет, давай совсем рано пойдём, когда ещё и торговли нет, а продавцы только-только подтягиваются к рынку и начинают раскладывать свои сокровища.

— Так это часам к восьми надо уже там быть. Встанешь?

— Встану, — уверенно ответила Наденька и хитро прищурилась. — А ты представь, какое лицо будет у нашего замечательного грузина, когда он увидит, что мы его уже ждём!

— Нет, не могу. Хотя... — вдруг рассмеялся Дмитрий Петрович.

— Вот-вот.

Арчил, впряжённый в самодельную коляску, наполненную товаром, полусонно двигался к Сухому мосту. Рядом с ним, высоко подняв подбородок, аристократично вышагивала Нино, раскрыв над головой китайский зонтик и придерживая подмышкой дамскую сумочку. Её взгляд был устремлён вверх голов идущих навстречу людей.

— Гамарджоба, Арчи! Гамарджоба, Нино! — приветствовали пару ранние торговцы.

— Гагимарджос, Гиви! Гагимарджос, Ашот! Гагимарджос, Елена! — кланялся в ответ Арчил.

— Гагимарджос, — небрежно отвечала Нино.

— Арчи, Нино, там вас ужэ ждот, — предупредили по дороге супружескую чету.

— Ждут? Кто ждот, скажи? — окончательно проснулся Арчил.

— Увидишь.

— Димэтр! Надин! — широко улыбаясь, закричал на весь рынок грузин, заметив стоящих на его торговом пятачке знакомых. — Вах, какой нам падарок, Нино! Пакупатэли раншэ прадавца прэшлы. Эта балшой чэст для нас! Такая удача, можэт, адын раз в жизни бывает. У мэна пэрвые — точно! Давно ждош? — заключил Дмитрия Петровича в свои объятия Арчил.

— Ещё солнце не встало, пришли, — пошутил Дмитрий Петрович, аккуратно высвобождаясь от цепкой хватки.

— Ты слышала, Нино, какой джигит — Димэтр! Ночю, в тэмнатэ к нам с табой са сваей Надин папол! Нэ напугалса! Настоящий гэрой! Мцыри! Я тэбэ за эта Бруно Вэпхвэдзэ за сто лари падару! Павэсиш дома на стэну, Арчи с Нино добрым словом помныт будэш. Мы ыкат станэм, тэбя с Надин вспомним. Дай пацэлюю!

— Слушай, Арчил, — от переизбытка чувств перешёл на «ты» Дмитрий Петрович, — а почему сегодня уже Бруно? Вчера ещё Джованни был. Второй внук, да?

— Ай, маладэц, Димэтр! Умный какой! Пачты чут-чут нэ угадал, — весело рассмеялся грузин. — Бруно — это правнук Ваню. У Вэпхвэдзэ цэлый дынастия художныкав, как у вас Рурыки. Ат княза Игара до батки-цара Ивана Грознава. Сэмсот лэт Русью правэли, так и у нас Вэпхвэдзэ болшэ сто лэт рысуют. Дай Бог им таланта эшо на пэтсот лэт и далшэ. Я тэбэ тут подпыс напысал на картынэ от всэх Вэпхвэдзэ. Тэпэр купиш?

— Какую подпись? — у Дмитрия Петровича отвисла челюсть от изумления.

— Ну, ты вчэра жалэл, што подпысы художнэка нэт. Я падысал. Тэпэр эст, сматры, — развернул Арчил перед ошарашенным покупателем полотно. — Правда, красыва?

Внизу картины, слева направо, во всю ширь, красным фломастером кривыми русскими буквами было написано: «Вэбхвэдзэ Ваню — атэц, Вэбхвэдзэ Алоша — сын, Вэбхвэдзэ Джавани — внук, Вэбхвэдзэ Бруно — правнук. Картынэ сто лэт. Пэйзаш. Казбэк в лэсу».

— Мама родная! — ахнул Дмитрий Петрович.

Наденька, отвернувшись в сторону, кусала носовой платок, глаза её наполнились слезами, а плечи вздрагивали.

— Нравытса тэпэр? — улыбался Арчил, вопросительно глядя на покупателя. — Бэррош?

— Очень нравится! С подписью просто шедевр! За такое и переплатить не жалко. Гениально! Беру! — отсчитал сто пятьдесят лари Дмитрий Петрович.

— Вай, маладэц, Димэтр! Тэбэ — удача, мнэ — удача. Ты замэчатэльный пакупатэл! Лучший у мэна.

— А ты, Арчил, замечательный продавец! Лучший у меня.

— И у меня, — подтвердила Наденька, вызвав первую улыбку на лице Нино.

Грузин протянул деньги супруге:

— Нино, царыца мая, схады к Софико, вазми у нэё чачу, хачапури, винаград. Скажи, Арчи друга встрэтил, из Лэнинграда прэлэтэл са сваэй Надин. Празнык у нас. Шашлыки у Дато купы, у нэго из настаяшэй авцы.

— Моя Надя чачу не пьёт, крепкая она.

— Пачэму — крэккая? Нэчэго нэ крэккая, чут крэкчэ вина, савсэм как лэманад.

— Да и времени у нас нет.

— Пачэму нэт? — нахмурился грузин. — Зачэм абижаэш? Всэго час пасэдим, пагаварым, я тэбэ «Сулико» спаю. В нарды играэш?

— Нет.

— Научу.

Через два часа, выпив из пластикового стаканчика очередную порцию чачи, Арчил выпрямился, зажмурил глаза и в третий раз затынул:

Сага хар чемо Сулико?

Второй куплет подхватили соседи Арчила, тоже поднявшись со своих мест во весь рост, а третий куплет запевал уже весь рынок. Закончилось невероятное исполнение дуэтом Арчила и Нино.

— Это тэбэ на пращаниэ от всэй Грузии, — склонил голову Арчи.

— Боже, какие голоса, какие голоса! — плакала в восторге Наденька.

— Ты должен к нам приехать, Арчи, слышишь, должен, — требовал у грузина ответа совершенно обалдевший Дмитрий Петрович. — Обязательно с Нино! Мы вместе решим, где повесить твою картину. Дай слово, что приедешь.

— Приеду, дарагой, абзэатэлна приеду. Давно хачу в Лэнинград. И Нино пускай пасмотрыт на втарой Тбилисо.

— В Калининград, — обнимая за плечи Арчила, поправил Дмитрий Петрович.

— Э, какой в этам разныца, Калынинград — Лэнинград. Главнаэ, што у нас с тобой, Димэтр, Грузия и Расия навсэгда!

— У нас с тобой, Арчи, точно Россия и Грузия навеки!